

Глава 25

В канун Нового года поместье князя Ли сияло огнями.

Весть о покушении на князя и его супруга разлетелась мгновенно, дойдя до самых глубин дворца. Император той же ночью отправил пять лучших лекарей; дворы Фуцзюй и Баочунь были взяты под усиленную охрану.

— Господин глава академии, как он? — Сянь Фэн, дежуривший у постели, подался вперед, стоило лекарю закончить иглоукалывание.

Глава Академии У, старец почти семидесяти лет с ясным и пронизательным взглядом, аккуратно убрал серебряные иглы в футляр. Приняв помощь слуги, он поднялся на ноги.

— У князя Ли крепкое телосложение. Мне удалось вывести яд с помощью игл. Теперь ему необходим покой в течение полумесяца и своевременный прием лекарств — тогда отравление пройдет бесследно.

Сянь Фэн облегченно кивнул:

— Благодарю вас, господин У.

— Когда Его Высочество очнется? — вставил Сянь Юй.

Старик жестом призвал их к терпению:

— Яд силен, но не смертелен. К тому же помощь была оказана вовремя. Максимум через три стражи князь придет в себя.

Гвардейцы Стражи Черного Пера немного успокоились. Однако шло время: минула новогодняя ночь, наступил полдень следующего дня, но Лу Жунхуай так и не проснулся. Сянь Фэну ничего не оставалось, кроме как снова звать главу лекарей.

— Господин У, прошу вас, осмотрите его еще раз. Почему князь всё еще спит?

Старик прижал пальцы к запястью больного. После долгого молчания он вдруг издал короткое, озадаченное «хм». Гвардейцы тут же напряглись.

— Впервые в жизни сталкиваюсь с подобной странностью, — пробормотал У, вновь проверяя пульс. Спустя мгновение он сокрушенно покачал головой: — Мои познания бессильны. Я не могу определить, что это за недуг.

— Что?! — присутствующие застыли в оцепенении.

Искусство главы Академии У считалось лучшим в Императорской лечебнице. Если даже он не мог найти причину, неужели яд был из разряда редчайших?

— Пульс Его Высочества то бьется в неистовой лихорадке, то замирает, словно в оцепенении... А сейчас, — старик помрачнел, — от него и вовсе веет могильным холодом.

Сердца воинов мгновенно ухнули в ледяную бездну. Сянь Юй сорвался с места и схватил лекаря за ворот:

— Какой же вы глава академии?! Вы обычный шарлатан! Вчера твердили, что всё в порядке, а теперь меняете слова! Из-за вашей бездарности князь может погибнуть!

— Сянь Юй, не смей! — прикрикнул Сянь Фэн.

Сянь Шуан поспешно оттащил товарища. У, сохранив невозмутимость, поправил воротник халата.

— Я лишь говорю правду. Если не доверяете моему слову — ищите другого.

Сказав это, старик велел слуге забрать сундук с лекарствами и покинул комнату. Сянь Фэн пригласил оставшихся четырех лекарей. Но стоило им проверить пульс Лу Жунхуая, как на лицах отразился ужас. Один из них, с дрожью в голосе, и вовсе посоветовал готовиться к похоронам. Разъяренный Сянь Юй выставил их всех за дверь.

Над поместьем князя Ли сгустились мрачные тучи.

Узнав, что сын не приходит в сознание, Император Хунцзя прибыл лично. Были испробованы все средства, но Лу Жунхуай оставался недвижим. Погруженный в глубокую скорбь, государь вернулся во дворец лишь после долгих уговоров евнуха Юаньшэна. Говорили, что Его Величество пришел в себя только после того, как принял две пилюли долголетия.

Сянь Фэн и остальные провели в ожидании три дня и три ночи. Они созывали городских лекарей, но те лишь сокрушенно вздыхали и качали головами.

К сумеркам четвертого дня, когда надежда почти угасла, Лу Жунхуай очнулся.

Четыре дня и три ночи. Словно один бесконечный сон.

В тот миг, когда он открыл глаза, границы между прошлым и настоящим стерлись, будто их

разделяла целая вечность.

— Господин, вы наконец-то очнулись! — Сянь Фэн и его товарищи стояли у кровати. Их глаза покраснели от бессонницы, но теперь в них светилась радость пополам со слезами.

Лу Жунхуаю помогли сесть. Опершись на спинку кровати, он смотрел на этих преданных подчиненных. В его памяти всплыли картины из прошлой жизни: узнав о его заточении и готовящейся ссылке на Северные рубежи, они, презрев опасность, ворвались в тюрьму, чтобы спасти его. Подчиненные не ведали тогда, что это была западня, путь в один конец. Все они погибли под градом стрел.

— Я... кхм... — он осекся. — Как долго этот князь проспал?

Его голос, не знавший влаги слишком долго, звучал хрипло, точно скрежет камня о песок. Сянь Шуан налил чай и передал чашку Сянь Фэну.

— Господин, вы проспали четыре дня. Я велю на кухне приготовить легкий рис и закуски.

— Не нужно, — Лу Жунхуай качнул головой. Его губы из-за яда оставались бледными, но черты лица приобрели пугающую четкость и суровость. Когда его взгляд остановился на Сянь Фэне, тот невольно выпрямился, словно по струнке.

Гвардеец почувствовал странное замешательство. Ему казалось — и, возможно, это не было иллюзией — что после этого пробуждения аура господина стала еще более сокрушительной. Словно перед ними сидел истинный император, привыкший повелевать судьбами мира.

— Ваше Высочество! Очнулись! Наконец-то! — Дворецкий Мао, прослышав добрую весть, буквально влетел в комнату. Задыхаясь, он рухнул у постели и разразился рыданиями.

— Этот князь еще не умер. К чему этот плач по покойнику?

Мао осекся, так и замерев с открытым ртом. Заметив холодное выражение на лице господина, он поспешно отполз назад и склонился в поклоне:

— Старый раб совсем обезумел от тревоги за князя и его супруга. Прошу у Вашего Высочества прощения за свои глупые слова.

Дворецкий не поднимал головы, а потому не видел, как в одно мгновение изменилось лицо Лу Жунхуая. Воспоминания нахлынули на него, точно бушующий прилив. Он резко отбросил одеяло, едва слышно прошептав одно имя:

— А-Юань...

Голос был слишком тихим, и никто не разобрал слов. Видя, что господин пытается встать, Сянь Фэн преградил ему путь:

— Господин, лекарь сказал, что вам нужен строгий покой...

— Уйди, — Лу Жунхуай оттолкнул его и в одной нижней одежде стремительно вышел из покоев.

Гвардейцы, подхватив верхние халаты, бросились следом. Князь шел так быстро и решительно, словно за ним гналась сама смерть; в какой-то момент он и вовсе перешел на бег. Слуги, встречавшиеся на пути, не успевали даже закончить приветствие — Лу Жунхуай пронесся мимо вихрем, оставляя их в полном недоумении.

Сянь Юй, едва поспевавший за ним, в растерянности качал головой:

— Куда же Его Высочество так спешит?

Они впервые видели князя в таком состоянии — будто он боялся опоздать на встречу с кем-то, без кого его жизнь потеряет всякий смысл. Вскоре ответ стал очевиден.

Лу Жунхуай ворвался во двор Баочунь. Замерев перед плотно закрытыми дверями, он сжал кулаки так, что костяшки побелели. Если бы кто-то присмотрелся, то заметил бы, как дрожат его руки.

— Охраняйте вход. Без моего приказа никого не впускать.

Сделав глубокий вдох, он толкнул дверь.

В комнате царила тишина. Полумрак окутывал пространство, светильники не горели, а тяжелые полога кровати скрывали того, кто лежал внутри. Почти не дыша, Лу Жунхуай подошел к постели. Его рука медленно, с опаской, отодвинула шелковую занавесь.

Взгляду предстало худое, пугающе бледное лицо Чу Юаня.

В ту же секунду невыносимая, выжигающая нутро боль разлилась по всему телу князя. Он медленно опустился на колени прямо на постель и, не разделяя юношу с одеялом, мертвой хваткой прижал его к себе.

Радость обретения и неистовое волнение окончательно затмили его разум. Уткнувшись лицом в изгиб шеи Чу Юаня, чувствуя кожей его едва теплое дыхание, этот сильный человек задрожал. Сдержать слез было невозможно — они градом покатались по лицу, впитываясь в мягкую подушку.

Князь прижимал к себе свою драгоценную ношу, срываясь на хриплый шепот, вновь и вновь повторяя у самого уха юноши:

— А-Юань... А-Юань...

В каждом звуке была бездонная нежность. В каждом вдохе — бесконечная искупительная боль. Чу Юань лежал в его руках неподвижно, его сон был безмятежен, он ничего не чувствовал.

Минула половина стражи.

Лу Жунхуай отбросил на пол промокшую от слез подушку и, стараясь не задеть раненую ногу супруга, осторожно уложил его обратно. Он сам забрался под одеяло, бережно устроил голову Чу Юаня на своем плече и крепко обнял его. Голова юноши была обмотана слоями плотной ткани. Чувствуя острую жалость и вину, Лу Жунхуай коснулся губами его лба.

— Прости... Я пришел слишком поздно.

«А-Юань, отныне я клянусь: вся моя жизнь станет твоим щитом»

«Тех, кто посмел причинить тебе боль, этот князь не оставит в живых»

***

<http://bllate.org/book/15308/1354328>